

В БУРАННУЮ НОЧЬ

Дядюшка Хакимзян и тетушка Сафия только-только заснули, когда с улицы кто-то осторожно стукнул в окно. В избе было тихо, ни шороха. Стук, уже более настойчивый и сильный, повторился. Хозяйка проснулась.

— Старик, вставай скорей! Слышишь, там стучит кто-то, — нетерпеливо затормошила она мужа.

Охваченная неясным предчувствием, старуха слезла с широких нар и, торопливо подойдя к печке, стала искать спички.

Тут опять послышался стук, и Сафия, забыв о спичках, бросилась к окну, приподняла занавеску и прильнула лицом к заиндевавшему стеклу.

— Сейчас, сейчас откроем! — крикнула она и, ничего не разглядев в запорошенном снегом окне, нетерпеливо обернулась к старику. — Да побыстрее, ради бога! Что ты там возишься?

А старик уже одевался, сердито ворча:

— И кто это бродит в такую буранную ночь, ума не приложу! Наверно, опять бригадир. Вот люди — сна им нет, обязательно надо поднять среди ночи...

Тетушка Сафия торопливо зажгла висячую лампу. Тусклый, желтоватый свет разлился по комнате.

— Уже не сынок ли вернулся? — с затаенной надеждой спросила она.

Хакимзян промолчал и, на ходу застегивая бешмет, заторопился к двери.

— Сноха, — взволнованно хлопотала старуха, — вставай! А вдруг и впрямь это Сайфулла?

Сноха уже одевалась в своем углу, и тетушка Сафия принялась щепать лучину.

Сыновья Сайфулла и Галимулла были на войне. От младшего сына, Галимуллы, уже давно не было вестей, а от старшего, Сайфуллы, только вчера получили письмо. Он писал, что находится в московском госпитале, что ранен под Можайском в ногу и, возможно, его отпустят месяца на два, когда он немного поправится.

Они несколько раз перечитывали это письмо вчера вечером, отыскивая в каждой строчке, в каждом слове какой-то особый смысл. Они и горевали и радовались.

Горевали, что сын ранен, радовались, что он остался в живых. Так и уснули, думая и мечтая каждый о своем.

Старуха и сноха еще и теперь находились под впечатлением вчерашнего письма и, хотя это было невероятно, каждую минуту ждали возвращения Сайфуллы. Должно быть, эта надежда и заставила старуху накинуть шаль и выйти в сени. А сноха стала прибираться в доме, настороженно прислушиваясь к тому, что происходит за дверью.

На улице бушевал буран, поднявшийся еще вчера вечером. Он проникал в щели сеней, скрипел дверьми чулана, словно намереваясь открыть их, злобно и протяжно ревел.

Старуха прислушалась к шагам поднимавшегося на крыльцо человека и, каким-то внутренним чувством угадав, что это посторонний, сразу сникла.

— Кто это? — тихо спросила она у старика.

— Ахмадулла, сын моего друга Шайхуллы, — ответил тот.

Гость, весь запорошенный снегом, отряхнулся в сенях и вошел в дом. Сбросив мешок с плеч, он поздоровался и стал запросто, словно родных, расспрашивать хозяев о здоровье.

— Ох, и буран! — сказал он, раздеваясь и подходя к печке, чтобы согреть руки. — Только отошел от станции, как поднялся буран, глаз не открыть! Ну, думаю, конец... Еле добрался.

Гость был красивый и крепкий парень лет тридцати.

Мороз так разругянил его щеки, что они и сейчас еще горели. Сноха поставила самовар и легла спать — рано утром ей нужно было идти на работу.

Тетушка Сафия засуеуилась. Собирая на стол, она время от времени вставляла замечания. Хакимзян расспрашивал гостя о фронтовых сводках, о городских новостях. К слову, он вспомнил и об отце Ахмадуллы, с которым вместе прошел первую мировую войну, потом воевал с белыми; они крепко подружались на тяжелой солдатской службе и в ожесточенных боях, которые принесли им немало испытаний. После войны дружба их не оборвалась, и хоть жили в разных деревнях, они часто навещали друг друга по праздникам.

Хакимзян и сейчас частенько вспоминал своего старого друга и при случае любил рассказать разные истории из боевой жизни. И этот неожиданный приход Ахмадуллы, и шедшая вот уже девять месяцев война, и недавние разговоры о Сайфулле и Галимулле настраивали старого Хакимзяна на воспоминания о прошлой войне.

И он, сев на нары и плотнее запахнувшись в свою желтую овчинную шубу, стал многословно рассказывать о том, как в жестоком бою близ Житомира Шайхулла спас его от смерти.

Гость, прислонившись спиной к теплой печи, из уважения к старшему терпеливо слушал, хотя много раз слышал эту историю от своего отца и от самого Хакимзяна. В доме было тепло. Пахло хлебом и еще чем-то очень знакомым, домашним, и после тяжелой дороги и непогоды гость чувствовал себя здесь особенно хорошо.

Ахмадулла уже спокойно слушал рев бурана, который стучал в окна, со злобой рвал ставни, завывал в трубе.

— Да, я никогда не забуду твоего покойного отца,— продолжал между тем старый Хакимзян.— Если бы не он, не видать бы мне тогда белого света. Отец твой был храбрым, очень храбрым, ничего на свете не боялся.

— Отец рассказывал, что и ты тоже был храбрым,— сказал Ахмадулла.

— Ну, да это он так, из дружбы...— смутился Ха-

кимзян и, вдруг заторопившись, пригласил гостя к столу.

На нарах уже весело шумел самовар. Тетушка Сафия принесла из чулана масло в деревянной чашке, нарезала каравай большими ломтями.

— Ах, чуть было не забыл!— сказал Ахмадулла и, встав с места, начал рыться в своем рюкзаке.— Я вам тут принес немного гостинцев.— Он вытащил осьмушку чая и около килограмма сахара и передал все это тетушке Сафии.

Она поблагодарила Ахмадуллу и тут же заварила щепотку. Нежно и тонко запахло хорошим чаем.

— Почему же ты не на фронте?— спросил Хакимзян, с хрустом откусывая сахар.— А мы думали, что ты в первый же день ушел. Все вспоминали со старухой: «На войне, верно, наш Ахмадулла. Как он там, жив ли?..» Чем же ты это не подошел-то?

— Как вам сказать... Вроде, слава богу, здоров,— ответил, смущенно улыбаясь, Ахмадулла.

— Что же тогда помешало?

— Я ведь сидел немного, в заключении был. Видно, вот это и помешало...

Хакимзян абзый удивленно переспросил:

— Сидел? Долго?

— Срок дали порядочный, но просидел только два года.

— Два года,— задумчиво произнес Хакимзян абзый.— Немало. За что же тебя посадили?

— Да было уж...

Ему явно не хотелось говорить об этом, и он, стараясь свернуть разговор на что-нибудь другое, стал расспрашивать о Сайфулле и Галимулле.

После чая тетушка Сафия постелила ему на нарах возле двери. Гость разделся, взобрался на перину, но не лег, а, обхватив под одеялом колени и немного помедлив, подозвал к себе дядюшку Хакимзяна. Тот подошел и сел с краю постели. Ахмадулла помолчал, прислушиваясь к завыванию ветра за окном, и наконец тихо сказал:

— У меня к тебе большая просьба. Если, конечно, не в тягость...

— Авось не в тягость,— сказал дядюшка Хакимзян.

— Не сходишь ли ты завтра в нашу деревню?

— Для чего?

— Надо бы одну вещь принести от жены.

— А ты сам что же?

— А я здесь подожду.

Хакимзян удивленно взглянул на гостя.

— Почему?

Ахмадулла придвинулся поближе и перешел на шепот:

— Я от тебя не скрою, дядюшка Хакимзян, все скажу,— ведь ты мне как отец родной... Нельзя мне туда возвращаться.

— Почему нельзя?— еще сильнее удивился Хакимзян.

— Если вернусь, меня сразу же вызовут в военкомат.

— Ну, так что ж?

— Как что? Известно — вызовут и пошлют воевать.

Хакимзян ничего не ответил. Уставившись в одну точку и сдвинув седеющие брови, он о чем-то размышлял.

— Может быть, ты думаешь, что груз тяжелый?— сказал Ахмадулла.— Его на маленьких санках привезти можно. А если попросишь лошадь в колхозе, то и совсем пустяки. Тебе ведь дают лошадей?

— Дают. В этом отказа нет.

— В таком случае ты мигом обернешься. А ночью, если можно, на этой лошади и меня отвезешь. Сделаешь, а?

Дядюшка Хакимзян опять промолчал. Потом он встал, подошел к лампе и, подняв ее повыше, подкрутил фитиль. В комнате стало темно, окна казались теперь большими и очень белыми, и ветер в трубе завыл как-то особенно уныло.

Ахмадулла подождал ответа и, не дождавшись, опять спросил:

— Ну, сможешь так сделать?

Хакимзян подошел к нему, но не сел и глухо произнес:

— Не обессудь, Ахмадулла, да не могу я. Не лежит душа к такому делу.

— Что же тут такого?— удивился Ахмадулла.— Ведь свое же добро, не чужое! Привезешь — и дело с концом. А если тебе трудно, не надо провожать, пешком дойду.

Не глядя на него, старик все так же глухо возразил:

— Нет, не трудно, Ахмадулла...

— Так что ж? Может, боишься, что меня поймают и тебе за меня попадет? Так зря боишься,— усмехаясь, продолжал Ахмадулла.— Документы у меня исправные, а потом я ведь в городе не останусь, думаю махнуть в Среднюю Азию.

— Да я не об этом...

— Тогда в чем же дело?

— А вот в чем: кто за тебя воевать пойдет?

— За меня?— удивленно переспросил Ахмадулла.

Он не ожидал такого вопроса и теперь не знал, что ответить.

— За меня? За меня никто не пойдет,— ухмыльнулся он.— Тоже нашел о чем тужить...

Этот издевательский тон задел Хакимзяна.

— Не смейся, Ахмадулла, я не шучу. Твой покойный отец тоже спросил бы тебя об этом,— глядя на него в упор, серьезно и холодно произнес Хакимзян.

— Не будем беспокоить покойника, пусть себе лежит спокойно.

— А я и не собираюсь его беспокоить, Ахмадулла. Он ведь мой лучший друг был.

— Если он тебе лучший друг, так скажи, как он поступил бы, если бы с такой же просьбой к нему пришли твои сыновья? Отказал бы он им? А?

Дядюшка Хакимзян задумался; ему, видно, стало холодно, и он, подобрав плотнее свою овчинную шубу, сел на нары. Ахмадулла тоже еле заметно дрожал. Он никак не ожидал, что старик окажется таким упрямым. Видя, что он продолжает молчать, Ахмадулла сказал:

— Нет, отец не отказал бы.

Старик вздрогнул и поднял голову.

— Ошибаешься,— решительно и твердо произнес он.— Во-первых, мои сыновья никогда не переступили бы чужой порог с такой просьбой, им нет в этом надобности. Во-вторых, клянусь хлебом насущным, если один